

José
SARAMAGO
1922–2010

Жозе
САРАМАГО

Двойник

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.134.3
ББК 84(4Пор)-44
С 20

José Saramago
O HOMEM DUPLICADO
Copyright © 2002, José Saramago
All rights reserved

Перевод с португальского Елены Голубевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-16291-4

© Е. Г. Голубева (наследник), перевод, 2008
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Посвящаю всегда моей Пилар
Посвящаю Рай-Гюде Мертин
Посвящаю Пепе Санчес-Манжавакаш

Хаос — это порядок, который нужно расшифровать.

Книга Противоречий

Я искренне убежден, что уловил многие мысли,
которые небеса посылали кому-то другому.

Лоренс Стерн

Человек, вошедший в магазинчик, где давали напрокат видеокассеты, носил несколько необычное, звучавшее на старинный, даже устаревший лад имя Тертулиано Максимо Афонсо, немало огорчавшее его. С Максимо и Афонсо он еще кое-как мирился, хотя и это зависело от настроения, но вот Тертулиано давило на душу прямо-таки могильной плитой. Терзания начались с того далеко не прекрасного дня, когда он понял, что его имя может вызывать обидные насмешки. Тертулиано Максимо Афонсо был преподавателем истории в средней школе, а посмотреть фильм посоветовал ему коллега, предупредительно заметивший: ну, не шедевр, конечно, но хоть на полтора часа отвлекетесь. А отвлечься или даже развлечься ему и в самом деле было крайне необходимо, ибо жил он один и бывало ему настолько тоскливо, что временами он впадал в то состояние упадка духа, что на современном медицинском языке именуется депрессией. Для полной ясности надобно сказать, что герой наш некогда был женат, но уже не помнит, что именно побудило его вступить в брак; потом развелся, а почему — уже и сам не помнит. Добро еще, обошлось без детей, а то теперь они стали бы требовать, чтобы папаша задарма поднес им весь мир на блюде; что же до истории, предмета серьезного и поучительного, который ему предложили вести и который мог бы стать для него подлинным

пристанищем духа, то он давно уже воспринимает ее курс как бессмысленную доуку, бесконечное начало, не имеющее конца. Для людей ностальгического темперамента, ранимых, плохо приспособляющихся к обстоятельствам, одинокая жизнь является тяжелейшим наказанием, однако сколь ни мучительно бывает это испытание, оно крайне редко выливается в душераздирающую драму, от которой леденеет кровь и волосы встают дыбом. Как ни странно, обычно люди такого склада терпеливо сносят муку одиночества, о чем свидетельствуют некоторые примеры из нашего недавнего прошлого, ставшие достоянием гласности, не очень, впрочем, впечатляющие и в двух случаях закончившиеся вполне благополучно, а что касается остальных, то вспомним хотя бы того художника-портретиста, которого мы знаем только по первой букве его имени, или врача общей практики, вернувшегося из изгнания, чтобы умереть в объятиях любимой родины; или газетного корректора, сознательно заменившего достоверную информацию ложной, или делопроизводителя из отдела записи гражданских состояний, который уничтожал свидетельства о смерти, причем все их усопшие обладатели, возможно по случайному совпадению, были лицами мужского пола, но никто из них не имел несчастья зваться Тертулиано, что, несомненно, являлось немаловажным преимуществом и существенно облегчало их отношения с близкими. Между тем служащий уже снял с полки искомую кассету, вписал в учетную книгу название фильма и показал клиенту, где ему надлежит расписаться. Подпись, поставленная после секундного колебания, состояла только из двух имен, Максимо и Афонсо, без Тертулиано. Однако, словно желая своевременно объяснить данное обстоятельство, дабы избежать возможных недоразумений в будущем, клиент пробормотал: так будет короче. Но попытка перестраховаться не слишком помогла, ибо продавец,

списывая в карточку данные из предъявленного ему документа, громко произнес вслух архаичное имя, да еще таким тоном, который даже малому ребенку мог показаться не лишенным ехидства. Боги небесные, в жизни никому не доводилось испытать подобного унижения. Рано или поздно каждый из нас встречается на своем пути одну из тех сильных личностей, у которых человеческие слабости, особенно самые деликатные, вызывают издевательский смех. Правда и то, что подчас эти произвольно вырывающиеся у нас нечленораздельные звуки оказываются подавленным стоном, отголоском прошлых страданий, чем-то вроде давнишней зарубцевавшейся раны, которая вдруг дает о себе знать. Укладывая кассету в свой выдавший виды учительский портфель, Тертулиано Максимо Афонсо с достойным лучшего применения усердием пытался скрыть обиду, которую нанесла ему неделикатность служащего, но все же не мог удержаться и сказал себе, тут же упрекая себя за явную несправедливость такой мысли, что во всем виноват его коллега, а еще свойственная многим людям страсть давать советы, когда их об этом не просят. Всегда хочется переложить вину на кого-то другого, особенно когда самому не хватает мужества дать достойный отпор. Тертулиано Максимо Афонсо не знает, не может себе представить, не догадывается, что служащий уже раскаялся в своем неуместном поступке; другое ухо, более чуткое, способное различать тонкие оттенки тембра голоса, уловило бы в тоне, которым тот выразил готовность к услугам в ответ на сказанные ему через силу слова прощания, что человек, стоящий по другую сторону прилавка, настроен крайне миролюбиво. Ведь благожелательность — это извечный коммерческий принцип, заложенный в древности и неизменно оправдывающий себя на протяжении многих веков, клиент всегда прав, даже в том невероятном, хотя и возможном случае, когда его зовут Тертулиано.

Уже в автобусе, на котором он должен был доехать до дома, где жил в последние годы после развода с женой, Максимо Афонсо, воспользуемся здесь сокращенным вариантом его имени, поскольку повод для этого дал нам он сам, его единственный носитель и полный властелин, но главным образом потому, что слово «Тертулиано», употребленное всего двумя строками выше, серьезно бы нарушило гладкость нашего повествования, итак, Максимо Афонсо спросил себя, внезапно удивленный, внезапно заинтригованный, какие причины, какие мотивы побудили его коллегу, преподавателя математики, а он преподавал именно математику, столь настоятельно советовать ему посмотреть фильм, только что взятый им напрокат в видеосалоне, хотя никогда раньше сей вид искусства не являлся темой их разговоров. Такую настоятельность еще можно было бы понять, если бы речь шла о бесспорном шедевре, тогда полученное удовольствие, радость приобщения к высокому и прекрасному могли бы побудить его коллегу во время обеда в школьной столовой или в перерыве между занятиями взять его за рукав и сказать: не помню, чтобы мы с вами когда-нибудь беседовали о кино, но теперь я осмелюсь посоветовать вам, дорогой коллега, посмотрите, обязательно посмотрите «Упорный охотник подстрелит дичь» — именно так называется фильм, который лежит в портфеле Тертулиано Максимо Афонсо, сейчас пришло время сообщить также и эту информацию. Тогда учитель истории спросил бы: а в каком кинотеатре его показывают, на что математик ответил бы, уточнив: не показывают, а показывали, фильм лет пять уже как прошел, не понимаю, как я прозевал его, и тут же, без паузы, обеспокоенный возможной ненужностью совета, который он дал с таким рвением, добавил бы: но, может быть, вы его уже видели. Нет, не видел, я очень редко хожу в кино, довольствуюсь тем, что показывают по телевизору. Тогда вам обя-

зательно надо его посмотреть, найдете в любом видеосалоне, возьмете напрокат, если вам не захочется его покупать. Диалог мог бы быть приблизительно таким, если бы фильм заслуживал внимания, но ведь никаких восторгов высказано не было. Я не собираюсь лезть в вашу жизнь, сказал математик, очищая апельсин, но в последнее время, мне кажется, вы немного подавлены, и Тертулиано Максимо Афонсо подтвердил: да, правда, я немного не в себе. Со здоровьем что-нибудь. Нет, не думаю, по моему, я не болен, но все меня утомляет, все раздражает, эта проклятая рутина, это вечное повторение, изо дня в день одно и то же. Вам необходимо развлечься, в вашем случае развлечение — лучшее лекарство. Разрешите возразить вам, развлечение — прекрасное лекарство для тех, кто в нем не нуждается. Замечательный ответ, бесспорно, но ведь надо же вам что-то делать, чтобы преодолеть маразм. У меня не маразм, а депрессия. Что маразм, что депрессия, не все ли равно, как называть. Дело не в названии, а в переживании. Что вы делаете в свободное время. Читаю, слушаю музыку, иногда хожу в музей. А в кино. Очень редко, мне достаточно того, что показывают по телевизору. Вы бы могли покупать видеокассеты, собрать, как сейчас говорят, видеотеку. Мог бы, но у меня нет места даже для книг. Тогда берите их напрокат. У меня уже есть несколько, документальные фильмы по естественным наукам, археологии, антропологии, искусству, а еще меня интересует астрономия и все прочее в том же духе. Все это прекрасно, но вам нужно развлечься чем-то таким, что не требует умственного напряжения, думаю, вам бы подошла научная фантастика, космические приключения, звездные войны, спецэффекты. Насколько я понимаю, спецэффекты — худший враг воображения, хотя их создание стоило большого труда человеческим существам, одержимым манией загадочного, таинственного. Дорогой мой, вы преувеличиваете. Я не преувеличиваю, преувеличивает тот, кто желает убедить меня,

будто можно в долю секунды, в мгновение ока переместить космический корабль на расстояние ста миллиардов километров. Но согласитесь, что для создания спецэффектов, к которым вы столь пренебрежительно относитесь, тоже необходимо воображение. Конечно, но это их воображение, а не мое. Вы всегда можете включить свое там, где их воображение заканчивается. Ну да, например, пусть будет двести миллиардов километров вместо ста. Не забывайте, то, что сейчас является для нас реальностью, еще вчера казалось вымыслом, достаточно вспомнить Жюль Верна. Согласен, но сегодняшняя реальность состоит в том, что для полета на Марс, а Марс, если мыслить астрономическими категориями, находится, можно сказать, в двух шагах, понадобится не менее девяти месяцев, а потом придется ждать еще шесть месяцев, чтобы планета сия вошла в точку орбиты, наиболее благоприятную для возвращения, и тогда надо будет лететь к Земле еще девять утомительных месяцев, фильм о реальном полете на Марс был бы самым скучным и нудным, какой только можно себе представить. Я понял, почему вам так неинтересно жить. Почему. Потому что вас ничто не удовлетворяет. Я бы мог удовлетвориться очень немногим, если бы оно у меня было. Но ведь кое-что у вас есть, специальность, работа, на первый взгляд вам не на что жаловаться. Но специальность и работа властвуют надо мной, а не я над ними. Я неудачно выразился, мы все далеко не всем довольны, я бы предпочел быть признанным гением математики, а не скромным преподавателем средней школы, но у меня нет другого выхода. Я сам себе противен, возможно, проблема заключается именно в этом. Если бы вы пришли ко мне с уравнением с двумя неизвестными, я бы мог оказать вам профессиональную помощь, но, поскольку речь идет о столь серьезной несовместимости, о столь серьезном противо-

речии, моя наука только усложнила бы вам жизнь, и поэтому в качестве успокоительного средства я советую вам смотреть кино, а не заниматься математикой, требующей большого умственного напряжения. У вас есть что-нибудь на примете. В каком смысле. Какой-нибудь забавный фильм! Конечно, этого добра хватает, зайдите в магазин, выберите. Но посоветуйте мне хоть один. Учитель математики немного подумал и сказал: «Упорный охотник подстрелит дичь». Что это. Фильм, именно какой вам нужен. Похоже на поговорку. Это и есть поговорка. Название или весь фильм. Посмотрите, и поймете. А в каком жанре. Что, поговорка. Нет, фильм. Комедия. Вы уверены, что это не какая-нибудь тяжеловесная старомодная драма со страстями и надрывом или из этих, современных, что с выстрелами и взрывами. Нет, это легкая комедия, очень смешная. Как, вы сказали, она называется. Сейчас запишу, «Упорный охотник подстрелит дичь». Хорошо, спасибо. Конечно, не шедевр, но хоть на полчаса отвлекетесь.

И вот Тертулиано Максимо Афонсо дома, лицо его выражает сомнение и колебание, он не знает, что предпринять, впрочем, проблема у него несерьезная, с ним такое часто бывает, просто ему предстоит сделать выбор, потратить какое-то время и самому приготовить себе еду, что обычно не требует особых усилий, надо всего лишь открыть банку с консервами и поставить ее на огонь или пойти поужинать в ресторан, где его уже знают благодаря равнодушному отношению к меню, вызванному, кстати, не высокомерием или чрезмерной требовательностью, а пассивностью, ленью, нежеланием приложить хоть какое-то усилие, чтобы выбрать определенное блюдо из краткого и к тому же ежедневно повторяющегося списка. На его решение остаться дома повлияло еще и то, что сегодня он принес письменные работы своих учеников, их надо внимательно прочитать и исправить там, где

они опасно отклоняются от преподанных им истин или позволяют себе слишком вольное их толкование. История, которую препоручено преподавать Тертулиано Максимо Афонсо, напоминает деревце бонсай, которому постоянно подрезают корни, чтобы оно не разрасталось, предмет истории — это игрушечная копия гигантского древа событий, происходящих в разных местах в разные времена, мы взираем на него, отдаем себе отчет в несоответствии размеров и смиряемся с этим, не обращая внимания на другие, не менее важные отличия, например на то, что ни одна птица, даже крошечка колибри, не сможет свить гнездо в ветвях бонсаи, а если его листа достаточно для того, чтобы отбросить хоть какую-нибудь тень и в ней захочет укрыться ящерка, то кончик ее хвоста, по всей видимости, будет торчать наружу. История, которую преподает Тертулиано Максимо Афонсо, он и сам это знает и не будет отрицать, если мы у него спросим, отличается огромным количеством таких торчащих наружу хвостов, некоторые из них еще шевелятся, другие уже стали ссохшимися кожаными мешочками с болтающейся внутри них россыпью позвонков. Вспомнив свой разговор с коллегой, он подумал, что математика относится к другой планете умственной вселенной, в математике хвосты ящерок были бы всего лишь абстракцией. Он достал из портфеля бумаги и положил их на стол, вынул также кассету с фильмом «Упорный охотник подстрелит дичь», вот два занятия, которым можно посвятить сегодняшний вечер, проверять работы и смотреть кино, он подозревает, однако, что на все это у него просто не хватит времени, он не любит и не привык работать по ночам. Впрочем, проверка работ была делом не столь уж срочным, не говоря уже о просмотре фильма. И он подумал, что, может быть, стоило отдать предпочтение книге, которую он недавно начал читать. Он пошел в ванную, потом в спальню, чтобы переодеться, сменил

ботинки и брюки, поверх рубашки надел пуловер, но оставил галстук, ему не нравилось ходить с открытым воротом, и направился в кухню. Вынув из шкафчика три банки с разными консервами и не зная, какую из них открыть, он решил довериться судьбе, прибегнув для этого к бессмысленной полузабытой детской считалочке, по вине которой в те далекие времена ему так часто приходилось выбывать из игры, и принялся бормотать. Раз-два-три, и без обмана, раз-два-три, и к южным странам. Ему выпало тушеное мясо, он бы предпочел что-нибудь другое, но решил, что не следует противиться судьбе. Он поел в кухне, выпил стакан красного вина и, закончив, почти бессознательно повторил считалочку, положив на стол три хлебные крошки, левая означала книгу, средняя — проверку работ, а правая — фильм. Выпал «Упорный охотник подстрелит дичь», чему быть, того не миновать, никогда не играй с судьбой на груши, ей достанутся спелые, а тебе незрелые. Так говорят, а раз так говорят, мы принимаем такой расклад, хотя долг свободного человека состоит, казалось бы, в том, чтобы энергично потребовать объяснений у деспотичной судьбы, решившей, кто знает, с какой коварной целью, чтобы незрелой грушей оказался именно фильм, а не проверка работ и не книга. Как учитель, да еще учитель истории, этот Тертулиано Максимо Афонсо, способный, судя по развернувшимся на кухне событиям, вверить свое ближайшее, а может быть, и не только ближайшее будущее трем хлебным крошкам и бессмысленной считалке, твердя ее, как попугай, является очень плохим примером для подростков, коих судьба, то ли та же, что распоряжается грушами, то ли другая, отдала в его руки. К сожалению, в нашем повествовании недостаточно места, чтобы попытаться предугадать, к каким пагубным последствиям может привести влияние такого учителя на неокрепшие души его учеников, и поэтому мы покинем их здесь, на-

деясь только на то, что когда-нибудь они встретят на своем жизненном пути иное влияние, может быть, диаметрально противоположное тому иррационально зловредному, что угрожает им в данный момент.

Тертулиано Максимо Афонсо тщательно вымыл и поставил на место посуду, он всегда считал своей неизменной обязанностью убирать за собой после еды, что показывает нам, если мы еще раз, теперь уже в последний, вернемся к неокрепшим юным душам, которым, кстати, такое поведение, скорее всего, показалось бы просто смешным, а понятие неизменной обязанности — всего лишь мертвой буквой, что даже от личности, столь легкомысленно относящейся к проблемам, связанным со свободой воли, можно научиться чему-то полезному. Сам Тертулиано Максимо Афонсо приобрел сию похвальную привычку, как, впрочем, и многие другие, в добропорядочной семье, в которой он родился и вырос, и главным образом от своей матушки, она еще жива и здорова, на днях он обязательно съездит навестить ее в тот маленький провинциальный городок, где будущий преподаватель появился на свет, родовую колыбель его предков Максимо по материнской и Афонсо по отцовской линии, и где его, приблизительно сорок лет назад, угораздило стать первым Тертулиано. Чтобы посетить отца, ему придется отправиться на кладбище, такова она, эта сучья жизнь, которая неизбежно кончается. Бранное слово пришло ему в голову незваным гостем, он подумал об отце, выходя из кухни, и ему стало грустно, Тертулиано Максимо Афонсо очень редко употребляет неприличные слова, а если иногда что-нибудь подобное и сорвется с языка, то он сам удивляется, ему даже не верится, что его речевой аппарат, голосовые связки, язык, зубы и губы смогли такое произнести, словно у него впервые и непроизвольно вырвалось выражение из какого-то доселе неизвестного языка. В ма-

ленькой комнате, которая служит ему и кабинетом, и гостиной, стоит двухместный диван, а еще — низенький столик посередине, мягкое кресло, которое кажется таким уютным, перед ним — телевизор, а в углу, так, чтобы на него падал свет из окна, письменный стол, на котором лежат, ожидая своей участи, ученические работы и кассета. Две стены заняты книжными полками, книги в большинстве своем потрепанные от частого употребления, старые. На полу ковер с геометрическим рисунком, неброский, возможно, выцветший, помогает создать ощущение некоторого комфорта, впрочем, очень скромного, наш герой не претендует на то, чтобы его жилище казалось более элегантным, чем подобает учителю средней школы, получающему маленькую зарплату, в отличие от большинства других преподавателей, с капризным упрямством считающих свое положение вопиющей исторической несправедливостью. Левая крошка хлеба, а именно книга, которую недавно начал читать Тертулиано Максимо Афонсо, солидное исследование, посвященное древним месопотамским цивилизациям, лежит там, где он оставил ее прошлым вечером, на низеньком столике, и тоже ждет своего часа, как и две другие крошки, как и вообще все вещи, абсолютно все, ибо таково их фатальное предназначение, обусловленное самой природой вещей. Тертулиано Максимо Афонсо был, как мы уже успели заметить, несмотря на недолгое с ним знакомство, человеком мечтательным и не очень последовательным, и нас бы не удивило, если бы сейчас он попытался немного слукавить, оправдаться перед самим собой и стал бы с притворным вниманием листать ученические работы, открыл бы книгу на той странице, где он прервал чтение, рассеянно осмотрел бы со всех сторон кассету, будто еще не решив окончательно, что он собирается делать. Но первое впечатление не всегда

столь обманчиво, как принято думать, подчас оно противоречит самому себе и способствует проявлению в будущем серьезных несоответствий ожидаемой манере поведения. Мы могли бы избежать сего столь путаного объяснения, если бы в свое время заявили без обиняков, что Тертулиано Максимо Афонсо подошел прямо к письменному столу, взял кассету, пробежал глазами по ее обратной и лицевой стороне, поглядел на улыбающиеся счастливые лица актеров и отметил, что из них ему известна лишь исполнительница главной роли, молодая и красивая, это свидетельствовало о том, что в момент составления контракта продюсеры не очень серьезно относились к данному фильму, затем он несвойственным ему решительным движением вставил кассету в видеомагнитофон и поудобнее устроился в кресле, намереваясь как можно приятнее провести вечер, от которого он, впрочем, ничего особенно хорошего не ожидал. Так и случилось. Тертулиано Максимо Афонсо засмеялся пару раз, улыбнулся раза три или четыре, комедия оказалась не только легкой, как снисходительно выразился коллега-математик, она была невероятно дурацкой, нелепой, настоящим кинематографическим вырождением, логика и здравый смысл возмущенно кричали за дверью, требуя, чтобы им разрешили войти хотя бы в тех местах, где чудовищная глупость безнаказанно торжествовала победу. Заглавие, «Упорный охотник подстрелит дичь», было банальной метафорой, типа выеденного яйца не стоит, в этой истории не имелось ни охотников, ни охоты, ни дичи, действие разворачивалось вокруг безумно честолюбивых претензий, которые молодая красивая актриса пыталась изобразить именно так, как от нее того требовали, и сопровождалось огромным количеством интриг, недоразумений, двусмысленных ситуаций, смешных ошибок, но все это, к несчастью, нисколько не уменьшило депрессии Тертулиано Максимо Афонсо. Когда фильм закон-

чился, он больше злился на себя, чем на коллегу. Тот искренне хотел ему помочь, и теперь учителю истории, уже давно вышедшему из возраста восторженных иллюзий, как и всем наивным людям, было обидно за свою наивность. Он сказал вслух: завтра же я возвращу это дерьмо, и даже не удивился, решив, что имеет право на крепкое словцо, и потом, оно было лишь второй непристойностью, вырвавшейся у него за несколько последних недель, к тому же первую он произнес только мысленно, ее можно не принимать в расчет. Он посмотрел на часы, еще не было одиннадцати. Как рано, пробормотал он, этим он хотел сказать, как вскоре выяснилось, что у него есть еще время, чтобы наказать себя за легкомысленный поступок, за то, что он изменил долгу ради развлечения, истинным ценностям — ради ложных, вечным — ради преходящих. Он сел за письменный стол, заботливо пододвинул к себе сочинения по истории, как бы желая извиниться перед ними за невнимание, и проработал до глубокой ночи, как и подобает такому добросовестному учителю, каким он не без гордости себя считал, исполненному педагогической любви к своим ученикам, но в то же время требовательному и даже безжалостному в том, что касается имен и дат. Когда он наконец выполнил это добровольно взятое на себя обязательство, то, все еще сожалея о совершенном проступке и словно желая заменить одни тяжелые вериги другими, не менее внушительными, взял с собой в постель книгу о цивилизациях древней Месопотамии и открыл главу, повествующую об амореях, их царе Хаммурапи и его знаменитом своде законов. Прочитав четыре страницы, он спокойно заснул — свидетельство того, что он заслужил прощение.

Через час он проснулся. Он не видел никаких снов, его мозг не содрогался от жутких кошмаров, он не бахтался, пытаясь оттолкнуть студенистое чудовище,

навалившееся ему на лицо, он просто открыл глаза и подумал: здесь кто-то есть. Он медленно сел в кровати и прислушался. Спальня находилась в глубине квартиры, сюда даже днем не долетали никакие внешние звуки, а теперь была ночь. Интересно, который час, обычно в это время стоит полная тишина. Тишина и была полной. Пришелец, кто бы он ни был, не двигался с места. Тертулиано Максимо Афонсо протянул руку к ночному столику и зажег свет. Часы показывали четверть пятого. Как и большинство обычных людей, Тертулиано Максимо Афонсо не герой и не трус, не непобедимый храбрец из кино, но и не жалкий слабак, способный со страху описаться, услышав в полночь скрежет двери, ведущей в подземную темницу замка. Правда, волосы у него на теле встали дыбом, но ведь это происходит и с волками, когда они чувят опасность, а ведь ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову обвинить волка в трусости. Сейчас Тертулиано Максимо Афонсо докажет, что и он тоже не трус. Он тихонько встал, взял в руки ботинок, за неимением более серьезного оружия, подошел, стараясь не шуметь, к двери и осторожно выглянул в коридор. Посмотрел в одну сторону, потом в другую. Ощущение, что тут кто-то есть, усилилось. Зажигая по пути свет и чувствуя, что сердце стучит у него в груди, будто несущийся галопом конь, Тертулиано Максимо Афонсо заглянул в ванную, потом в кухню. Никого. И ощущение чьего-то присутствия было здесь, как это ни странно, менее явственным. Он вернулся в коридор, по мере того как он приближался к гостиной, ощущение невидимого присутствия с каждым шагом усиливалось, воздух, казалось, вибрировал, добела раскаляясь от скрытого источника пламени, нервы Тертулиано Максимо Афонсо были напряжены до предела, будто он шел по зараженной радиацией местности, держа в руке счетчик Гейгера, из которого теперь вместо звуковых сигналов

вырывались потоки плазмы. В гостиной никого не было. На своих обычных местах находились стеллажи с книгами, неподвижные и бесстрастные, и висевшие на стенах гравюры в рамках, о которых мы ранее не упоминали, но вот они, тут, и тут, и еще там, и письменный стол с пишущей машинкой, и кресло, и низенький столик с маленькой скульптурной группой, стоящей точно в его геометрическом центре, и двухместный диван, и телевизор. Тертулиано Максимо Афонсо еле слышно прошептал: это здесь, и едва он произнес последнее слово, незримое присутствие исчезло, совершенно бесшумно, будто лопнул мыльный пузырь. Да, вот что это было — телевизор с видеоприставкой, комедия под названием «Упорный охотник подстрелит дичь», некий образ из этой комедии, вернувшийся на свое место после того, как он поднял Тертулиано Максимо Афонсо с постели. Он еще не понимал, какой именно образ, но был уверен, что обязательно узнает его, когда тот снова появится перед ним. Он пошел в спальню, надел поверх пижамы халат, чтобы не простудиться, и вернулся в гостиную. Сел в кресло, снова нажал на кнопку пульта дистанционного управления и, подавшись вперед, оперев локти о колена, весь обратившись в зрение, стал во второй раз смотреть историю молодой красивой женщины, пожелавшей добиться жизненного успеха. Через двадцать минут он увидел, как она входит в гостиницу, приближается к стойке дежурного администратора, услышал, как она представилась: меня зовут Инес де Кастро¹, он уже раньше обратил внимание на столь интересное историческое совпадение, а потом сказала: у меня заказан здесь номер, дежурный администратор посмотрел ей в лицо, вернее, в объектив

¹ *Инес де Кастро* (1320–1355) — реальная фигура португальской истории, ставшая прообразом многих литературных персонажей. (Здесь и далее прим. перев.)

камеры, или все-таки на нее, если она стояла в том месте, где находилась камера, и произнес что-то, чего Тертулиано Максимо Афонсо не удалось разобрать, он быстро нажал большим пальцем руки, державшей пульт дистанционного управления, на кнопку «стоп», но образ уже исчез, это понятно, никто не станет тратить пленку на второстепенного актера, почти статиста, который появляется через двадцать минут после начала действия, пленка прокрутилась обратно, на экране снова возникло лицо дежурного администратора, молодая красивая женщина снова вошла в гостиницу, снова сказала, что ее зовут Инес де Кастро, что у нее заказан номер, теперь — да, вот он, дежурный администратор, в упор смотрящий на свою собеседницу. Тертулиано Максимо Афонсо поднялся с кресла, опустился на колени перед телевизором и приблизил лицо к экрану, насколько позволяло зрение. Это я, прошептал он и вновь почувствовал, как волосы у него на теле встали дыбом, то, что он видел, не могло быть правдой, просто не могло ею быть, любой нормальный человек, окажись он в тот момент рядом, успокоил бы его, сказав: Что за вздор, дорогой Тертулиано, у него ведь усы, а у вас лицо бритое. Таковы нормальные люди, они имеют обыкновение все упрощать, а потом, и всегда слишком поздно, они вдруг удивляются, поняв, сколь изменчивой может быть жизнь, оказывается, усы и борода не властны над собой, они растут и благоденствуют, только если им это позволяют, часто по небрежности, но в один прекрасный день, благодаря изменившейся моде или просто потому, что их обладателю надоело видеть в зеркале свое заросшее волосами отражение, они исчезают, не оставив следа. Не следует также забывать, что в данном случае речь идет об актере, о театральной игре и что изящные ухоженные усики дежурного администратора могли быть просто-напросто накладными. Столь очевидные выводы мог бы сделать любой человек, в том

числе и сам Тертулиано Максимо Афонсо, если бы он не был так сосредоточен на поисках других ситуаций с участием того же второстепенного актера или, скорее, статиста, которому разрешили произнести несколько фраз. До конца фильма мужчина с усиками в роли дежурного администратора появился еще пять раз и всегда в малозначительных эпизодах, хотя в последнем ему было позволено обменяться парой претендующих на игривость фраз с победоносной Инес де Кастро, а потом, когда она удалялась, покачивая бедрами, смотреть ей вслед с выражением карикатурного сладострастия, которое, по мнению режиссера, должно было рассмешить неприятельных зрителей. Само собой разумеется, что если Тертулиано Максимо Афонсо не нашел этот фильм забавным, когда смотрел его в первый раз, то теперь он понравился ему еще меньше. Вернувшись к кадру, в котором дежурный администратор, показанный первым планом, смотрит в упор на Инес де Кастро, он стал тщательно, черту за чертой, изучать его лицо. Если не принимать во внимание некоторые несущественные детали, подумал он, особенно усы, а также прическу и меньшую округлость лица, то он точь-в-точь как я. Теперь он чувствовал себя более спокойно, конечно, сходство поразительное, но и только, такое довольно часто встречается, вспомним хотя бы близнецов, было бы весьма странно, если бы среди более чем шести миллиардов жителей нашей планеты не нашлось бы по крайней мере двоих, совершенно одинаковых. Они, разумеется, не могут быть одинаковыми абсолютно во всем, сказал он, словно беседуя со своим почти вторым «я», которое смотрело на него с экрана. Сев снова в кресло и постаравшись оказаться на том самом месте, на котором находилась актриса, игравшая роль Инес де Кастро, он в шутку изобразил еще одного клиента. Меня зовут Тертулиано Максимо Афонсо, объявил он и улыбнулся. А вас. Вопрос был совершенно естественным, если встречаются два одинаковых

человека, то им, понятно, хочется узнать друг о друге как можно больше, а имя — это первое, что обычно спрашивают, оно как дверь, в которую можно войти. Тертулиано Максимо Афонсо прокрутил пленку до конца, там находился список второстепенных исполнителей, он не помнил, указаны ли в нем также их роли, нет, не указаны, а имена, их было много, приведены в алфавитном порядке. Он рассеянно взял коробку от видеокассеты и еще раз посмотрел, что на ней написано и изображено, улыбающиеся лица исполнителей главных ролей, краткое содержание фильма, а в самом низу, мелким шрифтом, технические данные и дата выпуска. Прошло уже пять лет, пробормотал он и вспомнил, что то же самое сказал ему его коллега-математик. Целых пять лет, повторил он и внезапно снова почувствовал какую-то необычность, но теперь это уже не было ощущением чьего-то неосязаемого, таинственного присутствия, теперь это было нечто конкретное, доступное документальной проверке. Трясущимися руками он стал выдвигать и задвигать ящики, вытряхнул из них на стол конверты с негативами и фотографиями и в конце концов нашел то, что искал, свой собственный портрет пятилетней давности. У него были усы, другая прическа и более худое лицо.

Сарамаго Ж.

С 20 Двойник : роман / Жозе Сарамаго ; пер. с португ. Е. Голубевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 320 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-16291-4

Жозе Сарамаго — один из крупнейших писателей современной Португалии, лауреат Нобелевской премии по литературе 1998 года, автор скандально знаменитого «Евангелия от Иисуса».

Герой «Двойника» Тертулиано Максимо Афонсо — учитель истории, средних лет, разведенный. Однажды по совету коллеги он берет в прокате видеокассету с комедией «Упорный охотник подстрелит дичь» — и обнаруживает, что исполнитель одной из эпизодических ролей, даже не упомянутый в титрах, похож на него как две капли воды. Поиск этого человека оборачивается для Тертулиано доподлинным наваждением, путешествием в самое сердце метафизической тьмы...

По мотивам этого романа режиссер Дени Вильнёв («Убийца», «Пленницы», «Прибытие», «Бегущий по лезвию: 2049») поставил фильм «Враг», главные роли исполнили Джейк Джилленхол, Мелани Лоран, Сара Гадон, Изабелла Росселлини.

УДК 821.134.3

ББК 84(4Пор)-44

Литературно-художественное издание

ЖОЗЕ САРАМАГО
ДВОЙНИК

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректор Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 14.03.2019. Формат издания $75 \times 100 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-VAK-24733-01-R